

UNITED WISDOM

Изменённые состояния сознания: переживание и его толкование

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W18 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Изменённые состояния сознания: переживание и его толкование

Эпиграф

Всевозможные градации и сочетания.

— Отрывок предложения Уильяма Джеймса о многообразии мистических состояний, «Многообразие религиозного опыта», лекции XVI–XVII, с.382 в прочитанном английском издании 1917 года. Собственный перевод United Wisdom; отрывок не является отдельным афоризмом автора.

О чём эта статья

После обычной прогулки человек говорит: «На несколько минут всё стало необыкновенно ясным». Другой вспоминает молитву, в которой привычная граница между собственным усилием и происходящим словно исчезла. Третий описывает сильное впечатление от музыки, но не считает его религиозным. Эти придуманные для статьи сцены нельзя объединить одним объяснением только потому, что в них встречается слово «необычно». Что именно изменилось: ощущение времени, телесность, внимание, чувство собственного участия или смысл происходящего? И что добавилось уже при рассказе? Мы рассмотрим изменённое состояние как повод для точного описания, сохраняя различие между опытом, сообщением, исследовательской моделью и религиозным толкованием. Первичные тексты Джеймса и Терезы Авильской сопоставим с современным исследованием медитативных сообщений. Эта карта помогает задавать вопросы; она не предлагает вызывать состояния, оценивать духовную зрелость по их яркости или объявлять окончательную причину переживания.

I. Название не заменяет описание

Выражение «изменённое состояние сознания» легко становится объяснением, хотя сначала оно только указывает на отличие от некоторого привычного состояния. Чтобы понять рассказ, нужно выяснить, с чем человек сравнивает пережитое. Один сравнивает его со своим обычным рабочим днём, другой — с прежней молитвой, третий — с уже знакомым сновидением. Разные точки сравнения могут скрываться за одинаковым названием. Здесь мы используем это выражение как широкую рамку разговора, а не как единую медицинскую категорию, перечень допустимых способов воздействия или доказательство особого доступа к истине.

Представим двух собеседников. Оба говорят, что потеряли чувство времени. Первый уточняет: он не следил за часами и удивился продолжительности встречи. Второй утверждает, что само различие между раньше и позже перестало для него ощущаться. Можно оставить оба сообщения в записи, не сводя их к одному событию. Уточнение не требует от человека искусственно подробного ответа. Иногда честный предел описания звучит просто: «Сейчас я не могу отличить эти варианты». Такая фраза сообщает больше, чем уверенное употребление термина, значение которого ещё не согласовано.

Для этой статьи полезны несколько независимых вопросов. Сохранялось ли привычное чувство собственного тела? Было ли ощущение, что человек направляет внимание, или происходящее казалось непроизвольным? Возникали ли образы, слова, чувство ясности, радость, тревога? Что помнится о порядке событий, а что человек предположил позднее? Это редакционные вопросы к рассказу, а не шкала для постановки диагноза. Они не образуют обязательный набор признаков и не подразумевают, что отсутствие какого-либо признака делает опыт менее достойным внимания.

Описание допускает неоднородность. Человек может считать переживание важным и одновременно не знать, сколько оно длилось. Он может уверенно помнить страх и сомневаться, был ли конкретный образ. Не нужно заставлять такую запись звучать безупречно цельно. Вымышленная сцена, где слушатель сразу предлагает готовую интерпретацию, показывает цену поспешности: после вопроса «Это было просветление?» исходное описание оказывается в тени названия. Более точный разговор начинается с того, что собеседник уже сообщил, а не с того, какое слово хотелось бы услышать.

II. Четыре признака и предел исторической карты

В начале лекций XVI–XVII Джеймс предлагает четыре рабочих признака мистических состояний: трудность выражения, ощущение знания, кратковременность и пассивность. Он также признаёт своё преимущественно вторичное знакомство с предметом. Это историческая философская карта, а не сегодняшняя диагностическая процедура. Её полезно читать вместе с оговоркой о градациях и сочетаниях: автор не обещает, что каждый рассказ полностью вместится в четыре клетки. Вопросы Джеймса помогают различать качества переживания, но не устанавливают, что всякое необычное состояние мистическое.

Трудность выражения можно заметить в обычном разговоре: человек находит сравнение, отказывается от него, пробует другое. В статье это повод сохранить движение описания. «Как будто исчезла дистанция» не обязательно означает буквальное отсутствие расстояния. «Было ясно» не всегда означает, что появилось предложение, которое можно проверить. Если слушатель сразу переводит образ в точное внешнее

утверждение, он добавляет содержание от себя. Если он запрещает всякий образ как неточный, то лишает рассказчика доступного способа говорить. Между этими крайностями остаётся уточнение: что сравнение передаёт и чего не передаёт?

Особенно важно ощущение знания. Вопрос «Насколько это казалось убедительным?» отличается от вопроса «Какие основания доступны другому человеку?». В придуманной сцене посетитель концерта может сказать, что в какой-то момент совершенно ясно понял ценность дружбы. Он вправе принять это как личный повод написать другу. Но вывод о конкретном намерении друга уже требует другого основания. Внутренняя уверенность относится к первому сообщению; сведения о другом человеке — ко второму. Сила одного переживания не делает эти утверждения взаимозаменяемыми.

Сравнение с современной анкетой, к которой мы обратимся далее, выявляет ещё одну границу. Философ выбирает признаки для обсуждения смысла и авторитета опыта; исследователи задают вопросы и анализируют совместное изменение ответов. Четыре признака и несколько статистических факторов отвечают разным задачам. Было бы ошибкой объявить позднюю модель подтверждением всего Джеймса или считать исторический перечень критерием правильности ответов участников. Содержательное сопоставление сохраняет вопрос каждого источника и только затем замечает, где их вопросы пересекаются.

III. Что исследует анкета

Алекс Гамма и Томас Метцингер в исследовании MPE-92M анализировали ретроспективные сообщения о переживаниях осознавания у медитирующих. Из 3627 поступивших ответов в анализ вошли 1403. На основании 92 пунктов авторы предложили двенадцатифакторное описание; оно объясняло 44% вариации ответов. Это исследование выбранных сообщений, без физиологического измерения или проверки устройства мира. Его ограничения включают самостоятельный выбор участников, неполные ответы, память и различия понимания вопросов. Проценты здесь относятся к данным анкеты, а не к доле людей, имеющих определённый духовный статус.

Чтобы понять различие между такой работой и рассказом одного человека, полезна редакционная аналогия. Несколько посетителей описывают выставку по одному списку вопросов. Анализ может обнаружить, что некоторые ответы часто меняются вместе. Это не превращает выставку в набор только этих признаков и не сообщает, что каждый посетитель пережил одно и то же. Аналогия объясняет логику упорядочивания ответов; она не воспроизводит статистические расчёты исследования. Модель позволяет поставить более точные вопросы, но у неё остаются границы, определяемые заданием, участниками и выбранными словами.

В научном описании важно различать наблюдаемое и объясняемое. Здесь наблюдаемыми данными были ответы, поступившие через анкету. Само переживание не лежало перед исследователями как доступный всем предмет. Это не делает ответы бесполезными: иначе изучение личного опыта стало бы невозможным. Но читателю нужно знать, к чему относится вывод. Согласованная группа ответов может поддерживать описание некоторых различий внутри исследуемого материала. Она сама по себе не даёт универсального определения сознания и не показывает, какой механизм создал конкретный эпизод конкретного человека.

Встреча анкеты с картой Джеймса поэтому продуктивна как сопоставление способов спрашивать. Исторический язык подчёркивает трудно выражаемую убедительность; современная работа делает часть описания сравнимой между участниками. Цена каждого способа видна по-разному. Исторический текст зависит от отбора свидетельств, анкета — ещё и от того, какие формулировки предложены. Не нужно выбирать один способ как единственно законный. Нужно обозначить, когда мы читаем отдельное свидетельство, когда обсуждаем рабочую категорию и когда ссылаемся на результат конкретной исследовательской процедуры.

IV. Переживание и поздний рассказ

Авторы MPE-92M отдельно обсуждают выбор особенно впечатляющего эпизода, возможное влияние ранее усвоенных концепций и ретроспективной памяти. Эти замечания позволяют сравнить современное исследование с вниманием Джеймса к сохраняющемуся значению переживания. Сходство вопросов не означает, что память обязательно ложна или что яркий рассказ следует отвергнуть. Оно означает, что между происходившим и нынешним сообщением есть путь. Для дальнейшего рассуждения важно видеть этот путь, а не объявлять его либо прозрачным, либо заведомо недостоверным.

Представим человека, который сначала записал: «Мне было спокойно; привычные заботы словно отступили». Через несколько недель после разговора он начинает называть это переживанием единства. Позднее название может помочь связать опыт с ценным чтением. Но в записи полезно оставить дату, когда название появилось. Тогда можно отличить первоначальные слова от нового толкования. Это предложенный авторами статьи способ организации рассказа, а не доказанная техника восстановления памяти. Он не возвращает утраченную точность и не позволяет установить события, о которых сохранилось только впечатление.

Нужно также различать память о качестве и память о внешней подробности. «Я помню необыкновенную ясность» и «Я знаю, что другой человек в ту минуту подумал обо мне» имеют разные предметы. Первое сообщает о собственной уверенности, второе

приписывает содержание чужому сознанию. Уважение к первому не требует подтверждать второе. Можно ответить: «Я понимаю, что это было убедительно для тебя; о его мыслях у нас пока нет сведений». Такая реплика удерживает общую почву разговора и не ставит рассказчика перед выбором между безоговорочным согласием и унижением.

Поздний рассказ имеет собственную ценность: он показывает, как человек понимает свою жизнь сейчас. Иногда это и есть нужный предмет разговора. Если задача — обсудить нынешнее отношение к утрате, не обязательно сначала решить все вопросы о давнем эпизоде. Если задача — утверждать, что произошло определённое внешнее событие, требования меняются. Отдельная запись обстоятельств, независимые сведения и пределы известного становятся существенными. Не один универсальный уровень доверия, а различие задач помогает обращаться с рассказом внимательно и последовательно.

V. Свидетельство внутри традиции

В главе XX своей автобиографии Тереза Авильская различает названия и описывает непроизвольность, страх, телесные впечатления и религиозный смысл переживаний. Мы читаем её в переводе Дэвида Льюиса, третье расширенное издание 1904 года. Это свидетельство из определённой христианской жизни; его язык благодати и отношений с Богом нельзя заменить общей психологической этикеткой без потери содержания. Сообщения о необычных телесных событиях остаются сообщениями автора. Сам текст не даёт нам независимой проверки того, что происходило вокруг неё.

Чтение такого свидетельства требует двух направлений внимания. Нужно услышать, какое различие важно самой Терезе, и одновременно понимать, что доступно читателю. Если автор различает соединение, восхищение и другие состояния, это различие нельзя без объяснения стереть словом «экстаз». Но из точного чтения не следует обязанность принять каждое объяснение как публично доказанное. Мы можем передать её утверждение в форме «Тереза описывает» или «Тереза понимает это как». Эти обороты сохраняют религиозное содержание и показывают источник утверждения, не притворяясь внешним наблюдением.

Сопоставление с анкетой выявляет разницу контекстов. У Терезы описание обращено к человеку, участвующему в религиозном обсуждении её жизни. В исследовании ответы включены в формализованную процедуру. В обоих случаях слова не существуют отдельно от адресата и задачи, однако задачи не совпадают. Первое чтение помогает увидеть, как переживание включается в духовное различение; второе показывает условия сравнения ответов. Нельзя ни превратить Терезу в участницу современного эксперимента, ни приписать участникам анкеты её представление о благодати.

Историческое чтение также не превращает описанную суровость к себе в нынешнюю рекомендацию. Отдельные способы обращения с телом, страхом и обязанностями принадлежат конкретному повествованию и его времени. В этой статье они не служат программой практики. Важно различать изучение чужого свидетельства и предложение повторить его обстоятельства. Можно внимательно читать религиозный опыт, не испытывая себя его драматичностью. Значение текста раскрывается через понимание его вопросов; читателю не требуется создавать похожее состояние, чтобы иметь право обсуждать его границы.

VI. Чувство участия и право остановиться

Пассивность у Джеймса и описание непроизвольности у Терезы дают основание для ещё одного сопоставления. Оба текста позволяют спросить, как переживалось собственное участие, но не дают одной общей теории действующего начала. Тереза понимает происходящее через отношения с Богом; философ выделяет качество состояния для обсуждения. Поэтому фраза «Я не управлял этим» ещё не сообщает, кто или что управляло. В ней может быть достаточно точное описание утраты привычного чувства контроля, тогда как объяснение источника остаётся отдельным утверждением.

Из этого различия следует важный редакционный вопрос к современному разговору: кто принимает решения после переживания? В придуманной ситуации человек считает внутренний импульс очень сильным и предлагает знакомому принять участие в общем проекте. Само предложение допустимо. Однако убедительность пережитого не отменяет право знакомого отказаться, получить сведения или предложить другой срок. Чужое согласие относится к реальному общему действию, а не к тому, насколько необычно прозвучал источник идеи. Участники могут различно толковать событие и всё же договариваться о конкретной работе.

Особенно ясно эта граница видна, когда слушатель начинает приписывать себе полномочия толкователя. «Раз ты это пережил, теперь обязан продолжать» соединяет рассказ с предписанием без отдельного согласия человека. В качестве авторского принципа разговора мы предлагаем не делать такой переход скрытно. Если обсуждается духовное обязательство внутри традиции, нужно назвать традицию, основание и отношения участников. Если речь идёт о свободной встрече, право закончить её не зависит от наличия выдающегося опыта. Непроизвольность эпизода не выдаёт другим людям бессрочного разрешения распоряжаться его продолжением.

Здесь можно проверить точность слова «контроль». Оно иногда обозначает переживаемое качество, иногда — возможность внешнего действия. Человек может сказать, что чувства пришли сами, и при этом сейчас выбирать, с кем говорить и что публиковать. Не следует превращать первое сообщение в предположение, что выбора

уже нет. Этот пример не является клинической оценкой состояния. Он показывает, как язык рассказа может ошибочно расшириться до отношений между людьми. Развести значения — значит оставить место и необычному переживанию, и обычным требованиям согласия.

VII. Ясность, образ и объяснение

Современное исследование MPE-92M отмечает риск смешать в формулировке вопроса философскую пустоту с пространственным образом пустого места. У Терезы, напротив, важны различия между внутренним пониманием и обычным слухом. Сопоставление не подтверждает ни одно объяснение через другое. Оно напоминает, что слово может обозначать образ, качество переживания или положение учения. Перед выводом нужно выяснить, в каком смысле его употребляет данный рассказчик. Ясность сообщения начинается не с запрета метафор, а с обозначения их работы.

Представим описание: «Будто передо мной открылось огромное пространство». Возможны разные последующие уточнения. Человек мог видеть образ, мог ощущать отсутствие тесноты, мог искать сравнение для свободы от привычной заботы. Ни один вариант нельзя выбрать по одному предложению. Можно спросить, было ли это похоже на зрение или выражало другое качество, а затем принять неполноту ответа. Полезно оставить в записи исходную метафору рядом с уточнением. Тогда читатель понимает, что именно утверждается, и не принимает редакторскую догадку за деталь переживания.

То же относится к слову «энергия». В личной речи оно может выражать живость, напряжение, силу впечатления или религиозное понятие. В измерении оно имеет другой, специально определённый смысл. Эта статья не предлагает переводить любое употребление в физическую величину. Если в рассказе нет измерения, не нужно создавать видимость измерения научным словом. Если обсуждается учение, нужно представить его собственное определение. Содержательный диалог возможен и без общего объяснения, когда участники знают, каким языком сейчас пользуются и где заканчивается его применение.

Образы также могут соединять людей без совпадения убеждений. Один описывает тихую ясность как присутствие Бога, другой говорит только об особом качестве внимания. Можно заметить общую трудность выражения, не объявляя два объяснения одним. Собеседники вправе оставаться при своих прочтениях, пока не навязывают их друг другу как установленный факт. Такое сопоставление сохраняет больше содержания, чем готовая формула «все говорят об одном». Оно позволяет увидеть и сходный вопрос к человеческому опыту, и существенное расхождение в том, как на него отвечают.

VIII. Бережное изучение без получения нового состояния

Внимательное отношение к переживанию не требует намеренно повторять его. Для целей этой статьи достаточен уже существующий рассказ, выбранный самим человеком. Можно обсуждать слова, даты, источники толкования и дальнейшие решения, не изменяя сон, дыхание, питание или обычную медицинскую помощь. Мы не выводим из исторических свидетельств либо анкеты обещание, что какая-либо техника будет полезна конкретному читателю. Предложенная здесь практика относится к чтению и разговору. Её результатом может быть более ясная запись вопроса, а не новое состояние сознания.

Бережность включает право не рассказывать. Если опыт личный, человек может сохранить его для себя, поделиться только общим смыслом или отказаться обсуждать детали. Нельзя считать отказ признаком духовной закрытости или доказательством ложности рассказа. В придуманной сцене участник беседы говорит: «Мне важно это событие, но я не хочу обсуждать телесные подробности». Для продолжения достаточно понять, на что он согласен сейчас. Общий интерес к теме не создаёт общего права на чужую биографию. Публикация и пересказ требуют отдельной ясной договорённости.

Иногда разговор вместо понимания усиливает напряжение. Авторский вариант действия в такой ситуации — остановить обсуждение или перейти к обычной поддержке, которую человек принимает. Если переживание сопровождается опасностью, выраженным страданием или трудностью справляться с повседневностью, литературный разбор не должен подменять подходящую профессиональную помощь. Мы не устанавливаем по рассказу диагноз и не объясняем заочно его причину. Эта граница нужна именно потому, что необычное описание может иметь разный контекст, которого у читателя нет, и яркость слов не заменяет знания обстоятельств.

Наконец, нужно различать безопасность разговора и обещание безопасного способа получить состояние. Отсутствие в статье опасной инструкции не означает, что любой названный исторический путь подходит каждому человеку. Мы не рекомендуем воспроизводить описанные обстоятельства. Даже спокойное название практики само по себе не является оценкой её действия. В пределах нашего вопроса достаточно добровольного чтения: можно остановиться, выбрать иной текст и оставить часть вопросов нерешёнными. Право на такую обычную меру участия не уменьшается из-за того, насколько высоко традиция оценивает определённое переживание.

IX. Значение без окончательного объяснения

Джеймс различает авторитет опыта для пережившего и требование, чтобы посторонние приняли его толкование; Тереза описывает собственные основания религиозного различения. Их позиции нельзя заменить одним универсальным правилом проверки. Но совместное чтение делает видимым вопрос: для кого данный довод достаточен и о каком утверждении идёт речь? Сохранить личное значение и обозначить границу публичного вывода возможно одновременно. Это не компромисс между верой и исследованием, а точность в отношении разных задач, которые поставлены перед рассказом.

В воображаемой сцене человек после необычного эпизода решает больше времени уделять близким. Для обсуждения этого решения полезно спросить о доступном времени, согласии близких и выполнимости обещания. Не обязательно сначала разрешить метафизический спор. Однако если он утверждает, что переживание даёт ему достоверное знание о чужом будущем, задача уже другая. Тогда требуется основание для конкретного предсказания. Уважительное отношение к человеку не зависит от того, признали ли мы такое основание достаточным. Можно обсуждать последствия решения без присвоения себе права окончательно объяснить сам эпизод.

Такая мера позволяет пересматривать толкование без отказа от всей биографии. Человек вправе сказать: «Я иначе понимаю это сейчас, но событие осталось важным». Изменение слов не обязательно означает предательство прежнего опыта. Оно может просто показывать новый вопрос, другой адресат или уточнение того, что действительно известно. И наоборот, постоянство объяснения не делает его автоматически подтверждённым. Внимательный читатель сохраняет дату и контекст обеих формулировок, вместо того чтобы выбирать ту, которая сильнее соответствует его собственным убеждениям.

Изучение сознания поэтому может начинаться с очень скромного результата: мы лучше понимаем, что именно человек утверждает. На этой основе можно отдельно читать традицию, обсуждать научный дизайн, искать независимые сведения или выбирать дальнейшее действие. Не все эти задачи обязательно возникнут в одной беседе. Часть опыта может остаться трудно выразимой. Часть объяснения — открытой. Тем не менее разговор уже может быть точным и человеческим, если рассказ не выдаётся за всю действительность, научная модель не превращается в окончательную метафизику, а право человека выбирать сохраняется рядом с интересом к необычному.

Что это значит на практике

Выберите уже существующий рассказ, свой или опубликованный, который можно спокойно читать сейчас. Если он чужой, не добавляйте непубличные подробности. Не пытайтесь вызвать описанное состояние. Запишите одно или два предложения о том, что в рассказе действительно сообщается: чувство времени, телесное впечатление, ясность, образ, собственное участие. Если чего-то нет в тексте, оставьте пробел. Эта работа уточняет чтение; она не восстанавливает утраченную память и не проверяет здоровье автора рассказа.

Рядом запишите толкование и его происхождение. Это слово появилось сразу или после книги, разговора, знакомства с традицией? Ответ может быть неизвестен. Затем отметьте отдельные утверждения о внешнем мире. «Это было убедительно» оставьте рядом с собственным переживанием; «это показывает, что произошло вне меня» требует собственного основания. Не нужно заранее отвергать такое утверждение. Нужно увидеть, какие сведения его поддерживают и какие сведения мы только предположили, потому что рассказ прозвучал уверенно.

Сравните два прочитанных первичных фрагмента. Например, рабочие признаки Джеймса и оговорки анкеты о понимании вопроса. Укажите конкретное сходство вопросов и конкретное различие задач. Если сравнение с Терезой помогает, сохраните её христианское понимание происходящего, а не заменяйте его своим общим термином. Одного точного различия достаточно; искать согласие любой ценой не требуется. Если текст вызывает напряжение, можно закончить чтение без вывода и вернуться к нему только при собственном желании.

Завершите запись вопросом, который действительно относится к нынешней жизни. Нужно ли уточнить опубликованную фразу, согласовать пересказ, пересмотреть обещание или просто сохранить событие как личное воспоминание? Выберите действие, не требующее доказать больше, чем известно. Укажите право изменить решение и не обещайте повторения переживания. Если ясного действия нет, допустим итог «пока оставлю вопрос открытым». Это полноценный предел работы с описанием, а не недостаток опыта, который следует исправлять поиском более сильного состояния.

Ключевая цитата

> *Однако они понимаются гораздо яснее, чем если бы были услышаны ухом.*

— Тереза Авильская, «Жизнь», XXV.2; целое предложение английского перевода Дэвида Льюиса, третье расширенное издание 1904 года, собственный RU-перевод United Wisdom. «Они» — слова описываемого ею внутреннего обращения. Цитата передаёт её

свидетельство о ясности; она не доказывает внешний источник обращения и не задаёт правило оценки сегодняшнего опыта.

Связи между традициями

Два основания	Содержательная связь	Граница
Джеймс, XVI–XVII, четыре признака; MPE-92M, Methods/Results	Различные способы сделать описание сравнимым	Рабочая философская карта и статистические факторы не взаимозаменяемы
Джеймс, описание сохраняющегося значения; MPE-92M, Limitations о выборе эпизода/памяти	Пережитое и позднее сообщённое различаются	Яркость не доказывает внешний факт; ограничения не делают всякую память ложной
Тереза, XX.1–14; MPE-92M, процедура анкеты	Адресат и задача влияют на форму сообщения	Автобиография не является современным экспериментом
Тереза, XX.3–9; Джеймс, признак пассивности	Вопрос о переживаемом собственном участии	Непроизвольность не устанавливает общего действующего начала
MPE-92M, обсуждение Factor 8; Тереза, XXV.1–6	Термин, образ и ощущение ясности требуют уточнения	Пустота анкеты и христианское внутреннее обращение не одна доктрина
Джеймс, обсуждение авторитета; Тереза, XXV.3–6	Личные основания и публичный вывод имеют разные задачи	Сопоставление не утверждает одинакового критерия истинности

Первоисточники

1. Уильям Джеймс, The Varieties of Religious Experience, Longmans Green, прочитанное издание 1917 года; лекции 1901–1902 отличены от даты экземпляра. Прочитаны начало XVI–XVII, с.379–382, и выбранное обсуждение авторитета на с.422–429 с началом XVIII. Исторические клинические термины и временные оценки не используются как современные диагнозы или нормы. Эпиграф — подписанный отрывок, собственный RU-перевод.

2. Alex Gamma, Thomas Metzinger, MPE-92M, PLOS ONE 16(7), e0253694, 2021. Прочитаны методы, выбранные результаты, обсуждение факторов и полный раздел ограничений с выводом; табличные изображения и исходные данные не анализировались. Описание относится к выбранным ретроспективным сообщениям. Поправка 2024 года прочитана:

исправляет ссылку на данные, не подтверждает универсальную или метафизическую модель. Частный подробный журнал сохраняет точные границы чтения.

3. Тереза Авильская, The Life of St. Teresa of Jesus, перевод David Lewis, третье расширенное издание 1904 года, редакторские дополнения Benedict Zimmerman отличены от рассказа автора. Прочитаны XX.1–14, XXV.1–6 и издательские сведения; в XXV.4 учтена заявленная редактором поправка перевода. Это религиозное свидетельство, без независимой проверки внешних событий. Ключевая цитата — целое предложение XXV.2, собственный RU-перевод.

Теги

сознание, переживание, описание, толкование, внимание, время, телесность, ясность, память, свидетельство, религиозный опыт, мистические состояния, медитация, анкета, исследование, первоисточники, Уильям Джеймс, Тереза Авильская, христианство, философия, границы утверждений, личная убедительность, согласие, добровольность, образы, метафора, пассивность, практика чтения, выбор, неопределённость

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.